

ЛОЖНЫЕ ОБВИНЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА В НАРУШЕНИИ ЦЕРКОВНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Леонтьев А. А., ПсковГУ

Аннотация: В статье рассматриваются дела архивного фонда Псковской Духовной Консистории, в которых фигурируют ложные обвинения представители духовенства в нарушении церковной дисциплины. Автором были выделены причины и мотивы написания подобного рода доносов и выявлены наиболее распространенные ложные обвинения в конкретных типах нарушений церковной дисциплины.

Ключевые слова: церковная дисциплина, духовенство, донос, Псковская епархия, духовная консистория

Довольно любопытной категорией судебных дел Псковской консистории являются ложные обвинения клириков в нарушении церковной дисциплины. Доносы в Консисторию были одним из методов ведения интриг внутри прихода, а также способом «насолить» неуголному клирику. Их по разным причинам составляли как светские лица, так и «коллеги по цеху». В первом случае доносы составляли личные недоброжелатели служителя Церкви, отличавшиеся склочным поведением. Они часто использовали в такого рода интригах посторонних людей. Иногда подобные клеветы отзывали сами доносители — например, дело священника Петра Поспелова о пьянстве и оскорблениях было прекращено по просьбе самого обвинителя — учителя Виктора Назаретского. По его словам, донос он написал «под горячим впечатлением» со слов недоброжелателей священника [1]. Также нужно отметить и ложные показания отдельных прихожан, возводившиеся в рамках консисторского расследования жалобы на клирика. К обвинениям, например, в должностных проступках, они старались присовокупить и другие, к примеру, в оскорблениях в свой адрес.

Во втором случае недоброжелатели обвиняемого из среды духовенства также пытались либо оклеветать, либо преувеличить масштаб его проступков. На священников составляли жалобы причётники из их прихода, диаконы, цер-

ковные старосты и сторожа, реже — другие священники. На прочих клириков обычно жаловались их священники, но эти жалобы обычно клеветническими не были.

Находящиеся под следствием клирики, отрицая различные обвинения в свой адрес, пытались объяснять их неприязненным отношением к ним отдельных лиц, что, в ряде случаев, оказывалось правдой. Ярким примером здесь может послужить дело священника погоста Корлы Псковского уезда Николая Парийского за нетрезвость [2].

В 1911 г. данный священник был обвинён псаломщиком в совершении литургии в нетрезвом виде. Парийский признавал, что за день до богослужения «употребил водку», однако объяснил своё состояние, которое прихожане посчитали нетрезвостью, тем, что ему стало плохо от горького запаха торфа от ветхой печки, находившейся в алтаре. Также в ходе следствия выяснилось, что священнослужитель ранее часто совершал требы, будучи пьян, отвечая на замечания прихожан грубостью, обвинения в которой, впрочем, в судебном приговоре не фигурировала.

В итоге следствие не смогло доказать нетрезвость священника во время службы, приняв его версию об утаре, однако назначила ему 2 месяца монастырского подначалия за то, что он «временами предаётся нетрезвости». В апелляции священнослужитель назвал такое наказание жестоким на том основании, что такой срок даётся за тяжёлые преступления, и просил такую епитимью отменить.

С недовольством клирика в отношении тяжести наказания можно согласиться. К дисциплинарной ответственности священник был привлечён впервые и к тому же он был уже в возрасте и имел слабое здоровье. Учитывая, что Консистория за отдельные случаи нетрезвости наказывала достаточно мягко, а также смягчение к тому времени строгости церковных наказаний, Парийский вполне мог отделаться небольшим сроком монастырской епитимьи.

Донос Парийский объяснял прежде всего неприязненным отношением к нему жены псаломщика, которая подговорила мужа написать кляузу, а также неприязнью со стороны псаломщика и подписавшегося под жалобой прихожанина. Однако в своей апелляции он обмолвился о своей ссоре с благочинным, состоявшейся незадолго до начала всех событий. Также благочинный в рапортах в Консистирию очень настаивал

вал на виновности Парийского в совершении литургии в нетрезвом виде, за что обвиняемого могли даже извергнуть из сана. Поэтому можно предположить, что именно стараниями благочинного Парийский получил довольно серьёзное наказание.

В целом на клириков чаще всего возводили ложные обвинения в пьянстве (в т. ч. приукрашивая обычное пьянство обвинениями в отправлении богослужений в нетрезвом виде), оскорблениях и рукоприкладстве. Однако имели место и более изощрённые клеветы.

Рассмотрим, к примеру, «Дело об обольщении пономарем Иваном Назаретинским дочери Ханц»[3], события которого разворачивались в Пскове в 1890 г. По словам Марии Петровны Калгановой, матери Ольги Ханц, Назаретинский, посещая их квартиру в качестве жениха дочери ввёл предполагаемую невесту «в пагубные обстоятельства». Чтобы убедить Калганову «в чистых и благородных намерениях своих», пономарь назначил день свадьбы, но затем неоднократно его переносил на более поздний срок. Заподозрив в этом обман, Калганова затребовала и получила от него расписку о назначении им дня свадьбы. Однако позднее Назаретинский от свадьбы отказался. По этой причине она требовала запретить ему вступать в брак с другим лицом «как заявившему Ханц обязательство», возместить Калгановой ей убытки в размере 90 рублей, а также объявить Назаретинскому, что она подала прошение на имя прокурора Окружного суда о привлечении пономаря к уголовной ответственности.

Но на этом проблемы Назаретинского не прекратились. После начала следствия Калганова пригласила его к себе домой под предлогом прекращения дела. Там она выкрала из кармана пономарского сюртука его прошение на имя епископа и стала угрожать ему ещё большими последствиями. Через некоторое время Калганова пришла в Консисторию с жалобой, что Назаретинский, работая там делопроизводителем, пытается повлиять на ход следствия, подделывая документацию. В качестве доказательства она пыталась представить украденное из сюртука прошение. Однако Назаретинский в Консистории не работал, и её клевету в скором времени разоблачили. Украденный документ Калганова вернула только после вмешательства это в дело полиции.

Назаретинский рассказал следователю свою версию случившегося. Сначала Калганова пригласила его в качестве учителя для её малолетнего сына, отсрочив начало занятий до сентября, однако начала постоянно приглашать его в гости и угощать чаем, иногда с закусками. Пономарь решил, что делает это она для того, чтобы он «лучше и побольше занимался с её сыном. Но у Калгановой были другие планы. Вскоре она начала намёками предлагать Назаретинскому в невесты свою дочь Ольгу Ханц, после чего тот перестал ходить к ней и даже хотел отказаться от уроков. Но «в один злополучный вечер» Калганова, по словам пономаря, почти силой зазвала его в свою квартиру и начала угощать его чаем, а затем подмешав туда крепкий алкоголь, заставила захмелевшего Назаретинского написать под её диктовку расписку о браке с Ольгой Ханц.

На следующий день пономарь снова пришел к Калгановой, и назвав её с дочерью за произошедшее «безответственными», прекратил с ними все контакты. За интриги Калгановой пономарь обещал церковному суду, что после данного разбирательства он намерен подать на неё в суд уголовный. Назаретинский отмечал, что никогда не давал этой семье никаких обещаний. Жениться на Ольге Ханц никогда не хотел по следующим причинам:

- она ему не нравилась;
- он не имел денег на свадьбу
- испорченный характер «невесты» и «весьма подозрительное поведение» Ханц и её матери.

В итоге Консистория приняла версию Назаретинского и оставила жалобу Калгановой без внимания. Но интерес здесь представляет не только само по себе интересное следственное дело. Пономарь обвинял Калганову в наличии у неё незаконнорожденных детей, а её дочь — в попытке утопиться в реке Великой. Однако никакого разбирательства на этот счёт не последовало. Этот пример хорошо иллюстрирует либерализацию церковной судебной системы, прежде всего по отношению к мирянам.

Другой любопытный случай ложного доноса относится к обвинению начальницы Тихвинской общины, расположенной в селе Ляхово Великолукского уезда [4]. Она якобы приказала отвести и утопить в болоте заболевшую сестру общины послушницу Екатерину Казикову. По словам Казиковой, на-

стоятельница приняла её болезнь за беременность на поздней стадии. Чтобы не роды не случились на территории общины как раз накануне Пасхи она распорядилась расправиться с ней таким образом, предварительно связав послушницу. Но увезшие её в болото сёстры сестры, вняв её просьбам, не стали её топить, а оставили на берегу болота, положив на мох. Через несколько часов её случайно увидел проезжавший мимо эстонец, живший недалеко от её общины на хутор и промышлявший торговлей. Свою беременность Казикова отрицала.

На самом же деле оказалось, что настоятельница и вправду выгнала из общины, забеременевшую послушницу, дабы избежать родов в монастыре. Однако отвезти приказала её не в мох, а к вышеупомятому торговцу. Связать же Казикову пришлось из-за того, что она наотрез отказалась покидать монастырь, что подтвердили бывшие на тот момент на территории общины крестьяне. На момент возбуждения дела Казикова действительно уже не была беременна, однако близко знавшие её послушницы указывали на то, что она вытравливала младенца: клала на живот крупные камни, пила какой-то горький отвар из трав и просила одну из сестёр растереть ей поясницу. Нужно сказать, что Казикова и раньше изгонялась из монастырей, в т. ч. и из Тихвинской общины, однако позднее была принята обратно.

Следствием было установлено, что донос на настоятельница был написан и отправлен при помощи третьих лиц местной слепой монахиней, которая, однако жила вне монастыря и отличалась, по словам благочинного, тяжелым характером и любовью к разного рода интригам. Именно после разговора с ней Казикова, уже давшая согласие уехать из общины, категорически отказалась куда-либо уезжать.

Кляузничали на духовенство и используя обвинения, связанные с политикой. К примеру, на священника погоста Тухомичи Дмитрия Хребтова, было донесено, что он в проповеди по случаю убийства Александра II «употребил такие выражения которые могли даже поселить вражду и даже возмутить крестьян против привилегированных сословий» [5]. В частности, в этой кстати хвалебной речи священнослужителя крамольным обвинителю показалось высказывание о том, что Александр II сравнивал крестьян со свободными сословиями, и за это его убили. Также Хребтов обвинялся в отказе от приведения к присяге некоторых крестьян (чего он и не был

должен делать). В итоге священник был полностью оправдан. Данное дело можно считать редким случаем, когда донос на представителя духовенства писал не личный недоброжелатель, а не в меру старательный борец с крамолой.

Источники и литература

1. ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1430. ЛЛ. 120-121.
2. ГАПО. Ф. 39 Оп.1. Д.7135
3. ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1420.
4. ГАПО. Ф. 39. Оп. 3. Д. 62а;
5. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6967. Л. 1.